

Старушка Чэнь в тревоге дожидалась у дверей, опасаясь, что Цинь Цзай не рассчитает силы и причинит боль Цинь Шухуаню.

Когда они наконец вышли, Цинь Шухуань не плакал, а, наоборот, крепко прижимался к Цинь Цзаю.

— Бабушка, накрой ему на стол.

Старушка Чэнь поспешно подошла, наклонилась и заискивающе спросила: Тан-тан хочет кушать, да?

Цинь Шухуань послушно кивнул.

Еда была готова. Старушка Чэнь вложила ложку в руку Цинь Шухуаню, но Цинь Цзай тут же забрал её, усадил мальчика на свой стул и с обреченным видом принялся кормить его сам.

Цинь Шухуань поправился и смог вернуться в детский сад. Утром Цинь Цзай, держа Тан-тана за руку, передал его воспитателю, а затем тщательно ощупал карманы малыша, чтобы убедиться, что там не спрятано шоколада, и только тогда со спокойной душой ушел.

— Где ты пропадал столько дней? Я принес тебе кучу вкусняшек, почему ты не приходил? — Как только Лу Цзюань увидел Цинь Шухуаня, он тут же радостно подбежал к нему.

— Я болел, была температура, поэтому сидел дома, — ответил Цинь Шухуань, снимая рюкзак и садясь на маленькую скамейку.

— Температура! — Лу Цзюань приложил ладонь к его лбу. — Как же ты умудрился заболеть?

— Наверное, оттого, что слишком много пил сладких напитков. Врач сказал, у меня какой-то... отит, кажется, я плохо запомнил.

Лу Цзюань кивнул и, придвинувшись ближе, поцеловал Цинь Шухуаня в пухлую щеку: Все верно, наша тетя тоже говорит, что много сладкого пить нельзя. В следующий раз я принесу тебе другие вкусности, идет?

Цинь Шухуань от неожиданности вздрогнул, принялся поспешно вытирать щеку рукой и со всей серьезностью заявил: Больше не смей меня целовать.

Возможно, из-за долгой разлуки Лу Цзюань стал особенно привязчивым и даже во время экскурсии в павильон природы не отходил от друга ни на шаг.

— Цинь Шухуань, у меня есть маленькая красная звездочка, хочешь? — Сюй Цзянь протянул ему наклейку.

Цинь Шухуань был ошеломлен: Правда? Ты хочешь подарить мне наклейку?

— Конечно! — С этими словами он наклеил звездочку в графу Цинь Шухуаня.

За определенное количество таких звездочек полагался приз, и получали их только те дети, кого хвалили воспитатели.

То, что Сюй Цзяинь так щедро поделился своей наградой, заставило Цинь Шухуаня смутиться, но в то же время он был очень рад: из-за пропущенной недели звездочек у него было совсем мало.

Поразмыслив, маленький Цинь Шухуань решил, что нужно угостить Сюй Цзяиня шоколадом, который принес Лу Цзюань — так он сможет отблагодарить друга за проявленную доброту.

После экскурсии воспитатели повели детей в игровую комнату. Здесь, среди всевозможных лабиринтов-гусениц и горок, заключались самые важные сделки.

Внутри гигантской гусеницы-тоннеля Цинь Шухуань и Лу Цзюань ждали опаздывающего Сюй Цзяиня.

— Мы здесь, залезай скорее!

Сюй Цзяинь вполз внутрь. Замкнутое, темное пространство добавляло происходящему остроты. Снаружи слышался шум и детский лепет, а здесь, в полумраке, их секретная база казалась еще более захватывающей.

— Держи шоколад, это от Лу Цзюаня.

Цинь Шухуань не присваивал чужих заслуг: если вещь чья-то, то она должна принадлежать своему владельцу.

Лу Цзюань высыпал на коврик все сладости из карманов: Эта говядина очень вкусная, Цинь Шухуань, попробуй.

— Новинка! — Цинь Шухуань поспешно проглотил шоколад и с нетерпением откусил кусочек мяса.

И тут... вышло неловко. Лу Цзюань и Сюй Цзяинь переглянулись и, не сдержавшись, прыснули со смеху, прикрыв рты ладошками.

У Цинь Шухуаня зубы росли редко, именно поэтому старушка Чэнь и Цинь Цзай объявили ему строгую диету. Тонкая полоска говядины выскользнула из широкой щели между его зубами и с хлопком упала на коврик.

Лу Цзюань с выражением глубокой печали отодвинул пальцем нижнюю губу друга, разглядел пропасть между зубами, в которой можно было бы открыть целый магазин, и изрек: Цинь Шухуань, лучше ешь шоколад.

Поскольку губа была оттянута, слюна не удерживалась и длинной, тонкой нитью — совсем как хрустальная подвеска — потянулась вниз в замедленном действии.

— Я за салфетками! — Сюй Цзяинь среагировал молниеносно и пулей вылетел из тоннеля.

Воспитатели уже давно наблюдали за тем, как Сюй Цзяинь утащил кучу салфеток и нырнул обратно. Трое детей проводили внутри подозрительно много времени, что и так привлекло внимание взрослых, а теперь уйти от ответственности им точно не удалось.

Их поймали с поличным.

В садике строго запрещалось приносить свои сладости, а эта троица не только нарушила правила, но и устроила пир на весь мир. Типичный пример того, как делать нельзя — отчет о

проделках детей отправили родителям на телефоны.

После школы старушка Чэнь забрала Цинь Шухуаня домой.

— Бабушка, можно не говорить брату? — Цинь Шухуань болтал короткими ножками и пытался ластиться.

Старушка Чэнь сняла очки, притворилась, что задумалась, и с самым озадаченным видом ответила: Ну что ж, ладно. Я могу сохранить этот секрет. Но у меня есть условия.

— Бабушка, говори! Я на всё согласен, только не рассказывай ему! — Цинь Шухуань крепко сжал кулачки, в глазах его светилась решимость.

Не успела старушка ответить, как в дом вошел Цинь Цзай. Он бросил баскетбольный мяч, и тот по идеальной дуге влетел точно в корзину у двери.

— Тан-тан, вставай в угол. Будешь стоять, пока не поймешь, в чем провинился, и не позовешь меня.

Цинь Шухуань, который до этого развалился на диване, мгновенно выпрямился. Перехватив взгляд бабушки, он, не смея ослушаться, послушно поплелся к стене.

Цинь Цзай даже не взглянул на него, повернулся к старушке Чэнь: Бабушка, я пошел делать уроки.

— Иди, иди.

Старушка и Цинь Шухуань обменялись взглядами, в которых читалось полное недоумение.

Как только Цинь Цзай скрылся в своей комнате, старушка принесла маленькую табуретку: Тан-тан, посиди пока, встанешь, когда брат спустится.

Цинь Шухуань плотнее прижался к стене и покачал головой: Не надо, бабушка, я подожду брата.

Он стоял до тех пор, пока Цинь Цзай не вышел из комнаты и не направился в игровую в подвале. От отчаяния мальчик застучал ногами по полу.

Видя, что Тан-тан так разволновался, что не может вымолвить ни слова, Цинь Цзай смягчился и подошел к нему.

Они стояли под светом лампы: высокий брат и маленький мальчик. Цинь Цзай был намного выше, и его тень почти полностью накрывала Цинь Шухуаня.

Тот поднял голову, глядя на брата так, словно вот-вот расплачется: Брат, прости меня.

Цинь Цзай при виде зубов брата, напоминающих застёжку-молнию, почувствовал, как заныла голова. И надо же было этому мальчишке так любить сладкое!

Он достал линейку для наказаний и холодно произнес: Протягивай руку.

Увидев линейку, Цинь Шухуань от страха едва не лишился ног, но ослушаться не посмел и дрожащей рукой потянулся вперед.

Цинь Цзай занес руку, но не успел коснуться ладони, как малыш по привычке отдернул её назад.

— Выстави руку, — нахмурился Цинь Цзай. — Если не сделаешь этого сейчас, будешь стоять дальше.

Цинь Шухуань втянул голову в плечи, зажмурился и снова протянул руку.

Линейка дважды легонько щелкнула по ладони: Ну почему ты такой прожорливый? Дома что ли еды нет? Обязательно нужно чужое хватать.

Лучше бы он этого не говорил. При этих словах все обиды и страхи Цинь Шухуаня вырвались наружу, и он закричал сквозь слезы: Дома есть! Но мне не дают!

— Не дают мне!

От этого выкрика опешили все: и Цинь Цзай, и старушка Чэнь, и даже тетя, которая наблюдала за сценой из укрытия.

А ведь он, кажется, был прав.

Цинь Цзай посмотрел вниз на ревущего мальчишку, у которого от крика было видно всё горло: Хватит реветь. — Он стер слезы с покрасневшегося личика, тут же вытерев их о рубашку Цинь Шухуаня. — В субботу и воскресенье брат сам отведет тебя поесть чего-нибудь вкусненького.

Плач мгновенно прекратился. Пухлощекий Цинь Шухуань, стоя у стены, вытер слезы тыльной стороной ладони: Брат, я больше не плачу.

— И что нужно сказать, если не плачешь?

— Обнимашки!

Цинь Цзай осторожно притянул к себе мягкое, пухлое тельце. Он вздохнул: что поделать? В доме растёт такой сладкоежка, нельзя же позволить другим переманить его на свою сторону из-за какой-то конфеты.

<http://bllate.org/book/21844/2264882>